

Легкое дыхание

После юбилея Галина Анисимова сыграет Воительницу

Общая газета
- 1999 - 23-29
сент. - с. 9

СПЕРВА она появляется на сцене на секунду. Выглядывает и скрывается. Затем — стремительный легкий проход, как будто ветер подул. Между тем по сцене прошла молодая, хотя и моложавая, полная женщина — такова Галина Александровна Анисимова в роли Евдокии Антоновны из спектакля по пьесе Леонида Андреева «Любовь студента». Вдова в «Днях нашей жизни», мадам Попятник в «Закате» Андрея Гончарова, Марина Зотова в «Жизни Клим Самгина». Всех ролей примы театра им. Маяковского не перечислишь.

— В этом году я отыграла уже 47-й сезон. Пришла сразу после Шукинского. Какие там были педагоги: Б.Е. Захава, А.А. Орочко, В.К. Львова, А.М. Шахматов! В театр меня взял Н.П. Охлопков, в работе с ним прошли самые счастливые годы моей сценической жизни. Первая роль — Ширин в «Легенде о любви» Н. Хикмета, а потом, из спектакля в спектакль, пошли советские девушки — лирические героини. Но главное событие молодости и всей моей жизни — роль Офелии в «Гамлете». Я ведь играла с четырьмя Гамлетами — Евгением Самойловым, Мишей Козаковым, Эдиком Марцевичем, Володей Комратовым. Одни приходили, другие уходили, а я оставалась...

— Как вы встретили приход в театр режиссера Андрея Гончарова?

— Честно говоря, перестраиваться было очень трудно. Но уж если я решила остаться в театре, надо было играть. И я участвовала в первом же спектакле Гончарова, поставленном по повести В. Войновича «Два товарища». Уже потом появились «Дети Ванюшина» и «Конец книги шестой», где я играла жену Коперника.

Но я работала не только с Гончаровым. Мне, например, посчастливилось играть в «Талантах и поклонниках», поставленных Марией Осиповной Кнебель. Она была грандиозной личностью. Высочайшая культура, тонкость в отношениях, интеллигентность. Не слу-

Евгений КРЫЛОВ

чайно после ее прихода Гончаров сказал: «У нас в театре появилась интеллигентная интонация».

— Смелскую из «Талантов и поклонников» обычно трактуют как легкомысленную прожигательницу жизни. Ваша же Смелская казалась совсем иной...

— Трактовка Марии Осиповны, которую я целиком принимала, была гораздо глубже. Моя Смелская, конечно, боролась как могла за свое существование, но она была подружкой Негини и переживала за нее. Смелской понятна драма Негини. По-своему она давно пересекла ту черту, которая перед ее молодой подружкой только замаячила. И в финале моя Смелская грустит при расставании со своей, по сути, единственной подружкой.

— Наверное, нелегко было после таких заметных работ согласиться на совсем маленькую роль в «Трамвае «Желание»?

— Роль, может, и незаметная, но как раз в ней меня и заметили. Тогда в театр пришел молодой режиссер Борис Степанович Кондратьев, его сразу же и по достоинству оценил Гончаров. Когда в следующем сезоне Кондратьев получил право на самостоятельную постановку, он пригласил меня на главную роль. Это была Калугина в «Сослуживцах».

— Тех «Сослуживцах», что потом превратились в киносценарий «Служебный роман»?

— Те самые. Огромная ошибка моей жизни, что я мало снималась в кино. Меня знает только театральный зритель. Успех у «Сослуживцев» был огромный, и в моей судьбе этот спектакль сыграл неоценимую роль. Мною долго никто особенно не занимался, и ко времени этой постановки в игре накопилось огромное количество штампов. Борис Степанович стал тем человеком, кто вернул меня в «школу»: потребовал многое зачеркнуть, на многое по-новому взглянуть, я почувствовала его кровную заинтересованность во мне как в актрисе и с радостью приняла стиль его постановок. Я играла главные роли в четырех его спектаклях. Кроме «Сослуживцев», это были «Гражданское дело» Алешина, «Энергичные люди» Шукшина, «Праздник души» И. Друцэ. Последний спектакль стал последним и в жизни Кондратьева: у него было большое сердце. Для меня и, конечно, для театра в целом эта потеря была невосполнима.

— В каких спектаклях вы играете сейчас?

— Выхожу на сцену в «Плодах просвещения» Толстого и «Госпоже министерше» Нушича. А в планах этого сезона — «Воительница» по Николаю Лескову.

...Финальная сцена. Та же Евдокия Антоновна, но как она изменилась! Неопрятная старуха, одетая не то в пальто, не то в халат, шаркающая в разношенных старых туфлях. Сломав жизнь дочери, она сломала и себе. Когда уже готов упасть занавес, героиня Анисимовой вдруг начинает плакать. Громко, горько, безутешно, не скрываясь и не сдерживаясь. Одна за всех. Евдокия уходит, сторбившись и шаркая больными ногами, а зрители вытирают слезы, как-то незаметно для себя перестав стесняться. Часто ли это теперь возможно — так вот вместе поплакать в театре над нашими бедами? Тем ценнее эти слезы.

Евгения ДУБНОВА